

ВЕРА ХОРУЖАЯ В ВИТЕБСКЕ

В 1942 году борьба против оккупантов на Витебщине принимает широкий размах, усиливается партийное руководство партизанским движением и подпольными организациями в городах и других населенных пунктах. К концу года уже почти во всех районах области действовали подпольные райкомы партии и райкомы комсомола. Обстановка настоятельно требовала создания самостоятельного партийного центра и для Витебска. Посылка в витебское подполье опытной и закаленной революционерки-подпольщицы Веры Захаровны Хоружей и была попыткой создать руководящий центр в городе.

Группа Веры Хоружей состояла из 18 человек. Среди них боевая подруга Веры Захаровны по подпольной работе в Западной Белоруссии Софья Сергеевна Панкова («Антонина Заско»); витебчанка-коммунистка Дуся Суранова («Мария Петровская»); учительницы А. П. Иванькова и М. Ф. Исакова; Тоня Ермакович («Зинаида Воробьева»), Женя Иванова, Лиза Добротина, Мария Яцко, Ефросинья Трусова и другие. Никто из них, за исключением самой Веры Хоружей и Софьи Панковой, не имел опыта подпольной работы. Вера Захаровна учитывала это и упорно сколачивала коллектив, готовила его к активной, самоотверженной борьбе с врагом в сложных условиях. Она проводила беседы с каждым членом группы в отдельности, учила конспирации, выносливости. Она решительно пресекала малейшие проявления эгоизма, повышенный тон в обращении друг с другом, недомолвки в разговоре, то есть все, что могло внести в коллектив раздор, обиду, подозрительность, нарушить теплоту и чистоту человеческих взаимоотношений.

Особое внимание обращала Вера Захаровна на воспитание у членов группы выдержки умения молчать, хранить тайну. Давала конкретные задания. Проверяла. Но делала все это с большим тактом, так что никто и не подозревал, что его проверяют.

Наконец подошло время, когда группа, изучив обстановку и получив адреса в Витебске, могла приступить к выполнению задания. 27 сентября 1942 года партизанская связная Клавдия Болдачева (Щадурская) — «Береза» — провела в Витебск Дусю Суранову и Тоню Ермакович. Дуся остановилась у своих родственников Воробьевых в доме на Тракторной, 4. Тоня Ермакович, вернувшись в группу, подробно доложила Вере Захаровне об обстановке в городе, о результатах посещения некоторых явочных квартир. Все складывалась благополучно.

1 октября 1942 года Ермакович провела в город Веру Хоружую. Прошли без особых осложнений, если не считать, что на подходе к Витебску их остановил постовой и проверил паспорта. Все документы у Веры были оформлены на имя Анны Сергеевны Корниловой. И это не случайно. Имя и отчество ей напоминали имена дочери и сына — Ани и Сережи, оставшихся в советском тылу, а фамилия — мужа-партизана, геройски погибшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Уходя на выполнение ответственного и опасного задания партии, Вера хотела, чтобы рядом с нею хотя бы символически были самые дорогие и близкие ей люди. В первые же дни пребывания в Витебске Вера Захаровна убедилась, что их документы, особенно паспорта, никуда не годятся, а разработанный заранее план деятельности не учитывал всей сложности обстановки и его надо было менять, адреса требовали тщательной проверки, на это уходило много времени. Но не в характере Веры было пасовать перед трудностями.

Придя в город, подпольщица побывала на нескольких явках, познакомилась со многими людьми, определила надежных, на кого можно опереться, у кого можно спокойно переночевать, получить помощь и поддержку. На первых порах вместе с Дусей Сурановой она также остановилась в семье Воробьевых.

Оккупированный гитлеровцами Витебск производил тяжелое впечатление. На площадях и улицах — виселицы. Кругом развалины, мрак, голод, запустение. Не проходило и дня без облав или проверки документов. Вера ходила на явочные квартиры, выявляла нужных людей. Она внимательно слушала, что говорили прохожие на улицах, осторожно вступала в разговоры.

Хоружая работала неутомимо. Она сразу же взяла под наблюдение важнейшие военно-стратегические объекты города: аэродром, железнодорожный узел, Смоленское и Суражское шоссе, по которым больше всего передвигалось войск противника. В своих письмах из Витебска Вера Захаровна ярко и образно рассказывает о настроениях жителей города, их материальном положении и моральном состоянии, восхищается их патриотизмом.

Судя по письмам Веры Хоружей из Витебска, ее внимание особенно привлекал аэродром. Чтобы получать оттуда регулярно сведения, необходимо было иметь на аэродроме постоянных информаторов, располагать надежными конспиративными квартирами в этом районе города.

Уходя в Витебск, Вера Захаровна получила адрес Матрены Климентьевны Оскер, одной из активных участниц витебского подполья. Проживала она в районе аэродрома, на узенькой, затененной зеленой улице 5-я Винчевская, 17. Недалеко располагались авиачасти противника, его летный и инженерно-технический состав, а также бараки военнопленных, обслуживавших аэродром. На первый взгляд хозяйка дома казалась человеком беспомощным, она была инвалидом, ходила на протезе. На самом деле это была женщина большой силы воли. Она включилась в подпольную работу с первых дней оккупации города, когда из Белостокской области пришел ее брат. Снабжала гражданской одеждой военнопленных, перешивая ее из всего, что для этих целей подходило. Скромная портниха-инвалид долгое время не вызвала у оккупантов подозрений.

После ухода брата в мае 1942 года в партизанский отряд квартира Матрены Оскер была местом явок. Женщина не только тепло приняла Хоружую, но и стала ее активной помощницей, подключила к работе свою соседку А. Я. Лукашенко и ее мужа. В свою очередь Вера очень внимательно относилась к Матрене Климентьевне. Ее дом был для Веры надежным почтовым ящиком по сбору сведений об аэродроме.

Во время одной из первых встреч с Матреной Климентьевной Вера Захаровна назвала ей адрес «невесты Германовича», которая работала на этом важном стратегическом объекте. Оскер вызвалась пригласить ее к себе домой. Условились, что встреча состоится вечером. Как вспоминает Зина Шерякова (это и была «невеста Германовича»), однажды под вечер к ним зашла прихрамывающая женщина и сказала, что ее желает видеть один человек по очень важному вопросу. Рассказала, куда и как пройти, но адрес не назвала. Спрашивать надо было «тетю Аню». Зина нашла дом. В его хозяйке девушка узнала ту женщину, которая приходила к ней. Это и была Матрена Климентьевна. Она пригласила Зину в другую комнату, где было совершенно темно. Находившаяся там Вера Хоружая взяла Зину за руку, подвела к столу и предложила сесть.

— Знаете ли Вы Володю Германовича? — спросила незнакомка.

— Знаю. Это хороший друг моего детства. Скажите, где он сейчас?

— Он поручил мне передать Вам горячий привет и вот эту записочку. Можете выйти в переднюю и прочесть, а потом опять зайдете. — Володя писал, что он среди своих людей, живет хорошо, вернется только с победой. В заключение просил сделать для «тети Ани» все, что потребуется. Зина снова зашла в темную комнату. Незнакомка протянула ей свою нежную теплую руку и спросила:

— Ну, как? Согласны Вы помогать мне?

— Я не знаю, чем конкретно могу быть Вам полезной, — поинтересовалась в свою очередь Зина.

— Вы работаете на аэродроме. Нам надо знать все, что там делается: сколько и какие там самолеты, где расположены бомбо- и бензохранилища, их емкость, загруженность и т. д.

— Где и когда мы с Вами сможем встретиться?

Меня здесь не ищите и вообще не пытайтесь искать. Когда потребуется — я сама Вас найду. Все, что сочтете нужным и важным, передавайте, по возможности ежедневно, хозяйке этого дома Матрене Климентьевне. Только никаких записок, никаких разговоров о нашей встрече. Запоминайте все хорошенько и передавайте только устно, только лично.

— Ну что вы! Я Вас хорошо понимаю, — заверила Зина.

— А теперь давайте поговорим, — предложила Вера. — Расскажите, пожалуйста, все до мелочей о прошедшем дне, о своих впечатлениях, переживаниях, наблюдениях, с кем встречались, что видели и слышали, о чем и с кем говорили.

С этого дня Зинаида Шерякова (в замужестве — Матвиевич) стала боевой помощницей Веры Хоружей. Ежедневно, по вечерам, Зина приходила в домик по 5-й Винчевской, 17, дважды стучала в дверь, ей открывала хозяйка, которой она подробно рассказывала о результатах наблюдений за аэродромом. Так продолжалось больше месяца. Но однажды ей не открыли дверь на условный стук. В последующие дни повторилось то же самое. Почуввав что-то неладное, Шерякова прекратила посещение дома Матрены Оскер.

Витебчанка З. А. Шерякова-Матвиевич после войны с большой теплотой вспоминала «тетю Аню», но долго и не подозревала, что «тетя Аня» это и была Вера Хоружая.

Через А. Я. Лукашенко и М. К. Оскер Вера Захаровна заочно познакомилась с военнопленным Степаном, который работал на аэродроме, и привлекла его для сбора разведывательных данных. Теперь информацию об одном из важнейших военных объектов врага она получала по нескольким каналам.

За короткое время Вера Захаровна полностью освоилась с обстановкой в городе. Она сообщала подробные данные о расположении воинских частей врага, о складах боеприпасов, о количестве самолетов на аэродроме, о передвижении частей противника, точно указывала объекты для ударов советской авиации и сообщала результаты бомбежек. От внимательного глаза подпольщицы не ускользали и новинки фашистской военной техники. Хорошо владея немецким языком, она узнавала от солдат и офицеров многие важные сведения. Нужно ли говорить о том, какую ценность представляли все ее сообщения для командования Советской Армии и партизан?

Письма Веры Захаровны из витебского подполья – это волнующие документы о жизни, настроениях и нестигаемой воле советских людей, временно попавших под фашистское иго. Всего она написала 12 писем. Последнее датировано 6 ноября 1942 года. Через неделю, 13 ноября, к ней на связь были посланы Софья Панкова и Клавдия Болдачева («Береза»). Прошел условленный срок, но они не возвращались.

Для выяснения причины нарушения связи с Верой 26 ноября 1942 года в город направляется А. П. Иванькова. Здесь она узнала страшную весть: Вера Хоружая, Евдокия Суранова, Софья Панкова, Клавдия Болдачева и Воробьевы, всего восемь человек, 13 ноября 1942 года арестованы гитлеровцами. В доме бабушки Маши Воробьевой Иванькова застала лишь Анну Васильеву, которая тоже была арестована, но затем оказалась на свободе. То, что провал произошел именно в тот день, подтверждается архивными документами. В сводке витебской городской тюрьмы за 13 ноября 1942 года есть пометка, что в этот день из 2-го отдела полиции прибыли: Клавдия Болдачева, Василий Воробьев, Анна Корнилова, Антонина Заско, Мария Воробьева, Агафья Воробьева, Анна Васильева и Мария Петровская.

В тюрьме по Суражскому шоссе они пробыли пять дней, а 18 ноября 1942 года все были переданы в СД на Успенку. Сначала сидели все вместе, но после первого допроса Веру Хоружую, Софью Панкову и Дусю Суранову бросили в отдельную камеру, изолировав от семьи Воробьевых и связной Клавы Болдачевой. Начались многодневные допросы и пытки.

Двадцать два дня нечеловеческих истязаний выдержали Вера Хоружая и ее боевые друзья. Но никто не сказал фашистам ни слова, кроме А. Васильевой – второй невестки бабушки Маши, которая на очной ставке назвала не псевдоним, а настоящее имя Хоружей. Все вели себя мужественно, стойко, с достоинством, которое приводило в бешенство гитлеровцев. Суранова гневно клеймила фашистских палачей. Агафья Воробьева игнорировала все распоряжения гитлеровцев. Бабушка Маша, человек редких душевных качеств и нестигаемой веры в нашу победу, потрясенная неожиданным провалом, еле держалась на ногах, но не теряла твердости духа.

Нелегко найти свидетелей последних часов жизни этих замечательных советских патриотов. Из кровавых застенков СД на Успенке живыми выходили немногие. Правда, еще до освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков подпольным горкомом партии предпринимались попытки выяснить время и обстоятельства гибели В. З. Хоружей. Тогда удалось установить, что 4 декабря 1942 года на рассвете из одной камеры было взято сразу двадцать пять человек, в том числе связная Клавдия Болдачева и семья Воробьевых. Обрато в камеру никто из них не вернулся. Подробностей гибели Веры Хоружей установить не удалось. Но рассказ одного очевидца заслуживает внимания.

2 декабря 1942 года в лапы фашистов попала Аня Киташева – разведчица армейской разведгруппы П. В. Буткевича. 3 декабря ее бросили в одну из камер в подвалах СД на Успенской горке. Камеру окутывал полнейший мрак. Лишь изредка вспыхивала тусклая лампочка, когда кого-то вызывали на допрос или приносили тюремную баланду. В эти минуты можно было рассмотреть своих соседей, выбрать более удобное местечко. Из обитателей камеры внимание Ани Киташевой привлекла женщина, которую называли учительницей. Ее мужеством и выносливостью восхищались все, хотя она ни с кем и ни о чем не говорила. За полутора суток, проведенных А. С. Киташевой в этой группе заключенных, «учительница» не произнесла ни одного слова. В ночь

перед казнью она лежала молча и только время от времени тихо стонала. Все ее тело и ноги были в ссадинах и синяках, лицо опухло до неузнаваемости. Подняться она не могла, часто просила пить. Воду в консервной банке ей подавала подруга, одетая во все темное, с черными короткими волосами и редкими зубами. «Учительница» была женщина средних лет, очень худая, с тонкой длинной шеей. Волосы у нее были светлые, короткие, с легкими завитушками на лбу. На ней — темная юбка и желтоватая кофточка. Подруга выглядела старше, но выделялась своей подвижностью, несмотря на следы серьезных побоев.

4 декабря 1942 года, примерно в пять-шесть часов утра, на пороге камеры появились жандармы с собакой. Все стали подниматься. Поднялась и «учительница». С помощью подруги она встала на ноги и что-то шепнула ей. Та метнулась зачем-то к стенке, но в это время гитлеровец ударил «учительницу» дубинкой, и подруга быстро вернулась назад, чтобы поддержать ее. Возможно, это была попытка оставить на стене память о себе, но было уже поздно. Начали вызывать по фамилиям и по одному быстро выводить во двор. Камера опустела. В ней остался единственный обитатель, брошенный сюда накануне, — Аня Киташева. Когда щелкнул замок, ее охватил ужас. Она принялась стучать в дверь и кричать: «Заберите и меня!»

Вскоре всех оставшихся в камерах узников вызвали в коридор и заставили сортировать одежду, сваленную тут же в огромную кучу. Среди многочисленных вещей Анна обнаружила знакомую одежду, в том числе бусы женщины, сидевшей с ней рядом в камере. Судьба забранных утром людей не вызвала сомнений. Судя по количеству одежды, похоже, что в тот день состоялась «генеральная» чистка подвалов СД, гитлеровцы уничтожили большое количество советских патриотов.

Анализируя факты, сопоставляя детали, учитывая время и место действия, поведение «учительницы», одежду и внешние признаки патриоток, можно утверждать, что в числе расстрелянных были Вера Захаровна Хоружая и Софья Сергеевна Панкова. В тот же день фашисты расстреляли Воробьевых, Клавдию Болдачеву и Дусю Суранову.

Известно также, что большинство подпольщиков, потерпевших провал в декабре 1942 года, а также в январе — марте 1943 года, было расстреляно на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. Именно там, среди десятков тысяч жертв фашизма, покоится прах Веры Хоружей и ее боевых подруг.

Так была перевернута последняя страница жизни знаменитой подпольщицы. За активное участие в революционной деятельности и проявленный героизм в борьбе против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны Вере Захаровне Хоружей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Источник: Вера Хоружая в Витебске // Віцебскі рабочы. — 2012. — 3 мая. — С. 14.